

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-173-177>

О дефектах реализации юридического уведомления

Еремич Олеся Николаевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ion_olesya@mail.ru

Аннотация. В данной статье понятием «дефекты реализации юридического уведомления» охватываются негативные аспекты бытия предмета исследования. В их числе разного рода изъяны, ошибки и т. п., пробелы процесса и результата деятельности по реализации юридического уведомления. Предпринята попытка обнаружить дефекты юридического уведомления как на уровне статики, то есть в пределах правового регламентирования, так и в динамике, на этапе право-реализации, в том числе правоприменения.

Ключевые слова: юридическое уведомление, ненадлежащее юридическое уведомление, извещение, дефект в праве, ошибка в праве

Для цитирования: Еремич О. Н. О дефектах реализации юридического уведомления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 173—177. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-173-177>.

Original article

Defects in the implementation of legal notification

Olesya N. Eremich

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ion_olesya@mail.ru

Abstract. In the article, the concept of «defects in the implementation of legal notification» covers the negative aspects of being the subject of research. Among them are various kinds of defects, errors, etc., the process gaps and the result of the implementation of the legal notification of activities. An attempt was made to detect defects in legal notice both at the static level, i. e. within the limits of legal regulation, and in dynamics, at the stage of legal implementation, including law enforcement.

Keywords: legal notification, improper legal notification, notice, defect in law, mistake in law

For citation: Eremich O. N. Defects in the implementation of legal notification. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 173—177. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-173-177>.

Обладая мощным позитивным потенциалом, юридическое уведомление не лишено отрицательных сторон и проявлений своего бытия. Конечно, рассмотреть все возможные дефекты юридического уведомления объективно не представляется возможным. Остановимся на наиболее типичных дефектах юридического уведомления, снижающих его «коэффициент полезного действия». Начнем со статичных дефектов юридического уведомления, имеющих место на уровне правовой регламентации, затем остановимся на динамичных, сопровождающих практическую сторону.

1. *Терминологическая неопределенность в правовой регламентации юридического уведомления, проявляющаяся в нескольких аспектах.*

Во-первых, деятельность, содержательно представляющая собой юридическое уведомление, не называется таковой законодателем. Вот лишь один из ярких примеров. Два во многом схожих федеральных закона определяют правовое положение двух корпоративных форм коммерческих юридических лиц — об акционерном обществе и обществе с ограниченной ответственностью [1, 2]. В деятельности каждой из форм юридических лиц предусмотрено

© Еремич О. Н., 2021

функционирование общего собрания его участников, о проведении которого каждый из них должен быть уведомлен в законодательно установленном порядке. Обращение к текстам соответствующих законов демонстрирует названный выше дефект в регламентации юридического уведомления: законодатель использует различные слова для наименования действия по доведению до участников организации информации о проведении общего собрания членом. Так, «орган или лица, созывающие общее собрание участников общества с ограниченной ответственностью, обязаны *уведомить* об этом каждого участника общества, а о проведении общего собрания акционеров должно быть сделано *сообщение*» [1].

Существует мнение, что понятие «уведомление» предполагает большую персонализацию информации, ее направленность конкретному кругу субъектов, что более отвечает условиям информирования участников корпорации о проведении общего собрания ее членом» [3, с. 76]. Видится необходимым использование термина именно «уведомление», так как им охватывается самостоятельное юридическое действие, в то время как сообщение выступает лишь ее формой. Таким образом, в последнем из указанных законов «признается» роль юридического уведомления, ему не придается статус самостоятельного правового явления, выполняющего важную роль в обеспечительной деятельности общего собрания корпорации, и как следствие, ее функционирования в целом.

Во-вторых, законодатель, говоря о юридическом уведомлении, не последователен в используемой для регламентации данной деятельности терминологии. Так, в системе норм гражданского процессуального права, регламентирующих извещение и вызов участников гражданского судопроизводства, в качестве взаимозаменяемых используются термины «уведомление», «извещение», «вызов» и ряд других. При этом их содержание является не всегда очевидным и понятным не только правоприменителю, но и в доктринальном ключе. Так, М. Г. Цуцкова в ходе диссертационного исследования, основываясь на том, что «правовая и фактическая природа совокупности судебных извещений и вызовов заключается в передаче информации от суда иным участникам гражданского судопроизводства, приходит к выводу о возможности их обобщенного наименования судебными уведомлениями» [4, с. 15—22]. Полагаем, что в рассуждениях автора прослеживается противоречие. Так, рассматривая

извещение и вызов в качестве видов судебного уведомления, то есть включая в объем юридического уведомления судебные извещения и вызовы, М. Г. Цуцкова далее предлагает термин «уведомление», выступающий родовым по отношению к терминам «извещение» и «вызов», вовсе исключить из гражданского процессуального законодательства. Мы же считаем возможным рассматривать извещения и вызовы в качестве самостоятельных способов совершения юридического уведомления, в данном случае судебного уведомления. Ведь у них общее предназначение — довести до адресатов соответствующую информацию с целью обеспечения их участия в судебном процессе.

В-третьих, имеет место некорректное изложение правовых презумпций и правовых фикций о надлежащем юридическом уведомлении, их смешение. Схожесть правовых презумпций и фикций до сих пор порождает споры в научной среде. По сей день имеет место недопонимание того, что можно считать презумпцией, а что нет. Нередко имеет место смешение презумпций с именно правовыми фикциями. Подобная проблема имеет место при определении момента порождения уведомлением юридических последствий. Ведь уведомление преимущественно выступает необходимой предпосылкой к возникновению соответствующих правовых последствий. Так, при комментировании статьи 3 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» использована следующая формулировка: «... речь идет о юридической фикции, которая устанавливает презумпцию уведомления, даже если впоследствии адресат представит доказательства того, что сообщение не было фактически доставлено» [5]. Складывается впечатление, что авторы не разграничивают понятия «правовые презумпции» и «правовые фикции», свободно определяя одно через другое. Вместе с тем правовые презумпции и фикции выступают важным технико-юридическим приемом, позволяющим нивелировать последствия отсутствия фактического уведомления.

В-четвертых, неадекватное использование оценочных понятий. Безусловно, наличие оценочных понятий необходимо в законодательстве, ведь нормы права создаются с перспективой их применения к широкому кругу общественных отношений, все многообразие которых сложно учесть на этапе правотворчества. Вместе с тем заранее с абсолютной точностью предположить правильность трактования

субъектом уведомительной деятельности оценочных понятий невозможно. В связи с этим неопределенность оценочных понятий создает определенные затруднения. Например, при исполнении обязанности по уведомлению важное значение имеет срок, в течение которого оно совершено. При этом для отдельных видов юридического уведомления нормативно он может быть как вовсе не определен (например, не определен срок для исполнения обязанности по уведомлению опекунами и попечителями о перемене места жительства органа опеки и попечительства), так и указан с использованием оценочных понятий (например, страхователь по договору имущественного страхования после того, как ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан *немедленно* уведомить о его наступлении страховщика или его представителя; поверенный обязан уведомить доверителя о допущенных отступлениях, *как только уведомление стало возможным*). Конечно, прописывание всех моментов в одном четком формате может затруднять правоприменение. Однако обращение к оценочным понятиям должно быть взвешенным, отвечать реальной необходимости в этом.

В качестве отдельного дефекта выступает ситуация, когда отдельные виды юридического уведомления, имеющие общее назначение, разнятся в правовой регламентации процедурного аспекта. Например, уведомление о проведении общего собрания участников правовой общности (юридического лица, собственников жилых помещений и т. п.). Видится, что минимальные требования к такому роду уведомлений могут быть представлены следующим образом: указание на дату, время и место проведения собрания; направление (размещение) уведомления в срок, обеспечивающий участникам возможность подготовиться и явиться на собрание.

Самостоятельной проблемой выступает недостаточность нормативно-правовой регламентации отдельных видов юридического уведомления. При констатации обязанности юридического уведомления может отсутствовать правовая регламентация порядка его совершения. Например, исследуя проблемы выполнения главой муниципального района и городского округа обязанности по уведомлению о возникновении конфликта интересов И. А. Дамм и О. В. Роньжина пришли к выводу, что «отсутствует правовая регламентация порядка исполнения обязанности по сообщению о конфликте интересов высшими должностными

лицами муниципальных районов и городских округов, так как нормативно не определены ни должностное лицо (орган), подлежащее уведомлению, ни сроки, ни форма, ни процедура такого уведомления, а также результаты его рассмотрения» [6, с. 13]. А. Н. Балашов «в числе одной из причин ненадлежащего извещения судом лиц, участвующих в деле, видит отсутствие достаточной проработки самого механизма извещения на законодательном уровне. На страницах своей публикации он формулирует ряд предложений по устранению данного дефекта» [7].

На этапе правореализации, в том числе правоприменения, также обнаружены проблемы, *центральное место из которых занимает ненадлежащее юридическое уведомление.* Под последним предлагается понимать такое уведомление, при реализации которого имеет место отклонение от его должной модели по одному и (или) нескольким элементам. Как следствие, такое юридическое уведомление не порождает должный правовой эффект, напротив, возможны «неожидаемые» негативные правовые последствия. В этой связи справедливо суждение О. М. Родионовой о дефектах юридически значимого сообщения, выступающего одной из разновидностей юридического уведомления в целом. Автор приходит к выводу, что «дефект любого элемента юридически значимого сообщения может привести к аннулированию юридического факта, а такие юридически значимые сообщения не могут повлечь желаемых для сообщаемого лица последствий изначально, с момента их совершения» [8, с. 7]. Обращение к правореализационной практике показывает, что разграничение юридического уведомления на надлежащее и ненадлежащее имеет важное значение для динамики правоотношений: признание уведомления ненадлежащим ставит под сомнение порожденные им прямо либо косвенно правовые последствия.

Ненадлежащее юридическое уведомление обусловлено ошибками, допускаемыми субъектами данной деятельности. *На этапе подготовки и направления юридического уведомления имеют место следующие ошибки:*

— неверно определено лицо, которому должно быть направлено юридическое уведомление;

— ошибки в содержании юридического уведомления, когда в нем не отражены все значимые моменты относительно факта, о котором уведомляется лицо;

— направление юридического уведомления по некорректному адресу;

— нарушение сроков совершения юридического уведомления;

— несоблюдение требований к форме и (или) способу юридического уведомления.

Адресат может фактически не получить юридическое уведомление, то есть не ознакомиться с его содержанием как в силу объективных, так и субъективных факторов, в следующих случаях:

1) уведомление направлено, но не доставлено по указанному адресу;

2) уведомление направлено, доставлено по указанному адресу, но тем не менее не получено лицом, которому оно предназначалось;

3) злоупотребления правом со стороны адресата в части признания уведомления ненадлежащим.

На этапе доставки юридического уведомления изъяны предопределены, прежде всего, избранным способом и (или) формой юридического уведомления, и во многом не зависят от непосредственных субъектов уведомительной деятельности. Так, суд признал незаконным и отменил постановление о привлечении юридического лица к административной ответственности, обратив внимание на факт ненадлежащего исполнения почтальоном и оператором узла телефонных связей своих служебных обязанностей в соответствии с действующими правилами и требованиями по оказанию услуг телеграфной связи. А поскольку иных доказательств уведомления заявителя представлено не было, суд пришел к выводу о том, что административный орган не принял всех мер по уведомлению заявителя о проводимых в отношении него административных процедурах [9].

Главной проблемой на этапе получения юридического уведомления выступает вручение уведомления ненадлежащему лицу [10].

Так, суд, разрешая дело по существу, установил, что гражданин не уведомлялся о составлении протокола об административном правонарушении по месту его жительства. Однако уведомление об этом было направлено по месту его работы и вручено третьему лицу. Суд пришел к выводу о том, что уведомление только по месту работы лица, не может рассматриваться в качестве надлежащего способа извещения, поскольку не позволяет проверить полномочия лица, получившего такое уведомление, и установить факт его вручения адресату [11]. Вручение уведомления третьему лицу должно позволять удостовериться в возможности

последующей фактической передачи такого уведомления его непосредственному адресату.

Отдельное внимание заслуживает доказывание факта надлежащего юридического уведомления. Как правило, указанная проблема сводится к необходимости доказать факт получения юридического уведомления адресатом. Наибольшую актуальность приобретает доказывание данного факта в связи с судебными уведомлениями, опять же в силу того, что уведомление, равно как и ненадлежащее уведомление, лишает лицо гарантии судебной защиты. Изучение материалов судебной практики показало, что нередко в ходе судебного разбирательства адресат уведомления, фактически ознакомившись с содержанием уведомления, по формальным основаниям ссылается на неуведомление либо ненадлежащее уведомление. В этой связи автор приходит к выводу, что добросовестность субъектов уведомительной деятельности имеет важное значение для надежной работы механизма юридического уведомления.

Подводя итог, заметим, что в настоящей публикации представлены и пояснены лишь наиболее типичные дефекты юридического уведомления. Однако они демонстрируют их многообразие и важность устранения и (или) преодоления для нормального функционирования механизма юридического уведомления.

Список источников

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1998. 17 февраля.
2. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Российская газета. 1995. 29 декабря.
3. Настин П. С. Уведомление о проведении общего собрания участников корпоративной организации: юридическая природа и практика применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 1. С. 73—85.
4. Цуцкова М. Г. Информационное обеспечение в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 26 с.
5. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / под общ. ред. В. В. Хвалеев. М., 2017. 935 с.
6. Дамм И. А., Ронжина О. В. Актуальные проблемы выполнения главой муниципального района и городского округа обязанности по уведомлению о возникновении конфликта интересов // Административное и муниципальное право. 2017. № 3. С. 11—21.

7. Балашов А. Н. Надлежащее извещение как гарантия реализации права на судебную защиту в административном судопроизводстве // Судья. 2018. № 12. С. 53—56.

8. Родионова О. М. К вопросу о гражданско-правовой природе юридически значимых сообщений // Юрист. 2015. № 14. С. 4—8.

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 апреля 2016 г. № Ф05-6994/2015 по делу № А40-161544/14. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/433681942> (дата обращения: 20.09.2021).

10. Юридически значимые деяния в частном праве: монография / под ред. А. М. Хужина. М.: Юрлитинформ, 2021. Сер. Современная российская цивилистика. 272 с.

11. Решение Свердловского областного суда от 7 сентября 2016 г. по делу № 72-1247/2016. URL: <https://base.garant.ru/143482947/> (дата обращения: 20.09.2021).

References

1. On limited liability companies: federal law no. 14-FZ of February 8, 1998. *Rossiyskaya gazeta*, 1998, February 17. (In Russ.)
2. On joint stock companies: federal law no. 208-FZ of December 26, 1995. *Rossiyskaya gazeta*, 1995, December 29. (In Russ.)
3. Nastin P. S. Notice of holding a general meeting of participants in a corporate organization: the legal nature

and practice of application. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2015, no. 1, pp. 73—85. (In Russ.)

4. Tsutskova M. G. Information support in civil proceedings. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2015. 26 p. (In Russ.)

5. Scientific and practical commentary on the legislation on arbitration courts / gen. ed. by V. V. Khvaleya. Moscow, 2017, 935 p. (In Russ.)

6. Damm I. A., Ronzhina O. V. Actual problems of the head of the municipal district and the city district of the obligation to notify about the emergence of a conflict of interest. *Administrative and municipal law*, 2017, no. 3, pp. 11—21. (In Russ.)

7. Balashov A. N. Proper notification as a guarantee of the implementation of the right to judicial protection in administrative proceedings. *Judge*, 2018, no. 12, pp. 53—56. (In Russ.)

8. Rodionova O. M. To the question of the civil law nature of legally significant messages. *Lawyer*, 2015, no. 14, pp. 4—8. (In Russ.)

9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District no. F05-6994/2015 of April 8, 2016 in case no. A40-161544/14. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/433681942> (accessed 20.09.2021). (In Russ.)

10. Legally significant acts in private law: monograph / ed. by A. M. Khuzhin. Moscow: Jurlitinform Publ., 2021. Ser. Modern Russian civil law. 272 p. (In Russ.)

11. Decision of the Sverdlovsk Regional Court of September 7, 2016 in case no. 72-1247/2016. URL: <https://base.garant.ru/143482947/> (accessed 20.09.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.